

Глава 22. Замолкли «Весенние краски озера Дунтин», замерло преданное сердце

Когда затихли последние звуки, над крепостной стеной воцарилось глубокое безмолвие. Лишь порывы ветра глухо шумели в ветвях бирючины, заставляя листья сухо и часто шуршать. Казалось, весь мир застыл, околдованный флейтой Чун Дая, и не мог очнуться от этого наваждения.

Чун Ю поднялся с плоского серого валуна и, опершись ладонью о парапет, посмотрел на север. Словно взвешивая что-то в уме, он долго молчал и лишь затем негромко произнес:

— Твоя игра, Цзыхоу, печальна и прекрасна, точно тихий плач. Она переворачивает всю душу... Как зовется эта мелодия? Почему раньше я ее никогда не слышал?

Чун Дай задумчиво покачал флейту на ладони и медленно ответил:

— Она называется «Весенние краски озера Дунтин». Я сочинил ее в тридцать третий год под девизом Лунчжэн, когда мы с Фу Исянем вместе путешествовали по озеру Дунтин. Неудивительно, что вы, принц, о ней не знали.

Чун Ю помрачнел.

— Раз она зовется «Весенними красками», отчего же напев так безотраден? В нем нет ни крупинки весеннего тепла.

Чун Дай промолчал, не став спорить. Чун Ю повернулся, пристально глядя на него. Словно что-то осознав, он горько усмехнулся и покачал головой:

— Должно быть, сегодня твои мысли далеко отсюда, Цзыхоу, потому и флейта плачет. В те дни, когда вы путешествовали вдвоем — юные, пылкие, едва познавшие первую любовь, — эти «Весенние краски» наверняка звучали нежно и страстно. Твоя музыка ведь всегда предназначалась другому... Выходит, надпись на твоей флейте — «Краски весны на тысячу ли ранят сердце» — сегодня пришлось как нельзя к месту. Знать бы заранее, я набрал бы ключевой воды да сразу ушел. Зачем я только остался здесь, напрасно раня собственное сердце?

В голосе принца проскользнула жгучая досада. Чун Дай невольно вздрогнул.

Они с принцем Чэном приходились друг другу близкими кузенами. Но разница в титулах и то, что Чун Ю всегда вел уединенную жизнь, сторонясь дворцовой суеты, развели их дороги — они почти не общались, обмениваясь лишь вежливыми кивками на редких императорских приемах. Чун Дай прекрасно понимал, почему Фу Исянь порекомендовал государю Чун И отправить принца Чэна инспектором в армию. Весь долгий путь до заставы он вел себя подчеркнуто почтительно и предупредительно, страшась вызвать у гостя малейшие подозрения. И здесь, на

заставе Медной Горы, он держался золотой середины: не навязывался, но и не отдалялся, всегда оставаясь настороже.

Однако сегодняшняя прогулка в уезд Хэюань открыла ему глаза: принц Чэн относился к нему совсем не как к простому соратнику. Чун Ю по природе своей был человеком мягким и неторопливым, привыкшим ценить душевный покой, — полная противоположность вспыльчивому, резкому императору Чун И. Еще тогда, дождливой ночью у реки, когда Чун Дай зажег для него благовония и подарил девятикратную ручную грелку, в сердце принца что-то дрогнуло. Сам того не замечая, он проникся к своему статному, благородному кузену невольной симпатией, переросшей в глубокую привязанность. И теперь, получая от государя тайные запросы о поведении генерала, Чун Ю неизменно отвечал уклончиво, а порой даже хвалил его в своих донесениях.

О чувствах, связывавших некогда генерала и Фу Исяня, Чун Ю краем уха слышал от самого императора, но подробностей не знал. Сегодня они впервые заговорили об этом человеке. И пусть Чун Дай не проронил ни слова, одного его потерянного, отрешенного вида хватило, чтобы принц почувствовал укол досады. Разве мог он не расслышать в тоскливом плаче флейты неизбывную нежность и тоску по утерянному счастью?

Когда-то давно весть о том, что государь без памяти влюбился в юношу, показалась принцу нелепой и дикой. Позже, встретив Фу Исяня лично, он не мог не признать, что тот одарен поистине неземным очарованием и острым умом, и все же упрямая страсть Чун И оставалась для него загадкой.

Теперь же, когда в его собственной душе затеплилось запретное чувство к Чун Даю, он невольно начал понимать императора. Но если связь Чун И и бакалавра Фу определялась лишь сословным неравенством, то между ним и Чун Даем стояла не только разница в чинах, но и куда более страшная преграда — кровное родство. Любовь между двоюродными братьями... Это шло вразрез со всеми законами неба и земли, являясь тягчайшим грехом.

Чун Ю собирался похоронить эту тайну в глубине души, но, уязвленный тоской Чун Дая по другому человеку, не сумел сдержать вспышку ревности. Он выпалил это невольно, обнажив затаенную горечь. А Чун Дай, наделенный редкой проницательностью, мгновенно уловил истинный смысл этой неосторожной фразы.

Чун Даю стало горько и пусто. Опустив голову, он тихо, надтреснутым голосом произнес:

— Ваше высочество, я всю жизнь был безумцем. Глупым, слепым безумцем, запутавшимся в собственных чувствах. Годы преданности и надежд обратились в прах, утекли как вода сквозь пальцы. Отныне я ни на что не смею надеяться... и меньше всего желаю стать обузой для кого-то еще.

— Безрассудный влюбленный?.. — Чун Ю грустно усмехнулся. — Если бы твоя преданность принадлежала мне, о чем еще я мог бы просить Небеса?.. Ты растратил лучшие годы напрасно, а теперь готов растоптать чувства тех, кто искренне к тебе привязан.

Он тяжело вздохнул и добавил тише, словно обращаясь к самому себе:

— Что посеешь, то и пожнешь, от судьбы не уйти. Стоит ли таить в себе то, что давно пора высказать? Если его сердце отдано другому, к чему твоя верность? В глазах толпы эта страсть покажется лишь постыдным пороком... Ей не пристало зваться великой преданностью.

Чун Дай застыл как изваяние, не в силах вымолвить ни слова. Принц больше не смотрел на него. Он лишь указал на тропу, выложенную серыми плитами, что змейкой петляла в лунном свете среди вековых деревьев:

— Пора возвращаться. Спустимся с горы — и я вновь стану твоим принцем, а ты... так и останешься безумцем, верным своей несбыточной мечте.

Дорога назад казалась бесконечной, хотя мысли их блуждали далеко от этих мест. За все время пути они не обменялись ни единым словом и уже через час спустились к подножию. Напоследок Чун Ю велел сопровождавшим их солдатам набрать чистейшей родниковой воды и ровно в полдень доставить ее в его ставку на заставе Медной Горы. Солдаты лишь безмолвно склонили головы, не смея перечить.

Вместе они вернулись в уезд Хэюань. Возле дверей ресторана «Взлет Процветания» им подвели коней. Принц первым взлетел в седло и, не оглядываясь, пустил скакуна в галоп, скрывшись в клубах ночной пыли.

<http://bllate.org/book/19874/2040767>